

Анна Поршнева

Бедный пес

Первая история об обратном
обороте

16+

Анна Поршнева

Бедный пес

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64698626

SelfPub; 2022

Аннотация

Первая книга из цикла коротких повестей об обратном оборотне. Однажды обычный мальчик Василий Петухов завел щенка. А в полнолуние щенок превратился во взрослого мужчину. Но это такой наивный, простодушный и незадачливый мужчина, что непонятно, кто из них взрослый – он или Василий. Тем более, что 28 дней в неделю он просто себе пес. Но в оставшиеся три дня он умудряется то ввязаться в драку, то влюбиться, а то и попасть в смертельную ловушку.

Анна Поршнева

Бедный пес

Знакомство с семьей Петуховых

В городе Петербурге много коней – живых и статуй, много львов – мужчин и статуй – и много семей – счастливых и не очень. Также в Петербурге много загадок и тайн – страшных и веселых. Одна из таких тайн стала известна мне, а так как я еще та болтушка, я не смогла ее долго хранить и теперь рассказываю вам.

Почти что в центре города на Лиговке в старом доме на берегу Обводного канала живет семья Петуховых: Мама, папа, сын Василий десяти лет и папина мама, которую все почему-то называют мадам Петухова. Кроме того, с ними в квартире живет большой рыжий пес дворовой породы, у которого хвост загибается колесом, как у лайки. Пса зовут незамысловато – Эрнест Миллер Хемингуэй, или просто Хэм.

Появился же он в семье Петуховых так. У мадам Петуховой в Лужском районе есть дача, доставшаяся ей по наследству от родителей. В дачном поселке естественным образом существует стая бродячих собак, которых подкармливают

сторожа, и которые охотятся на окрестных мышей, крыс, лягушек, и, чего греха таить, на кошек. Время от времени в стае рождаются щенки. И вот как-то рано утром страдавшая бессонницей мадам Петухова вышла на крыльцо и обнаружила там существо месяцев трех с удивительной мордой – морда была грустная, с очень взрослыми глазами и бородастая. «Ишь ты, – подумала мадам Петухова, – вылитый Хемингуэй», потом наклонилась к щенку, спросила, как обычно спрашивают неразумные взрослые люди у детей и собак:

– Ты чей будешь? Откуда ты взялся? Ах ты, бедный песик! – И не дождавшись ответа, пошла на веранду к холодильнику. Из холодильника она достала молока, налила его в первую подвернувшуюся под руку пластиковую миску и накрошила туда же старого подсохшего хлеба. Потом поставила миску под нос щенку и принялась с умилением наблюдать, как щенок, жадно захлебываясь, лакает молоко. За этим занятием ее и застал внук Василий, которому в тот день как раз исполнилось девять лет.

– Ой, бабушка, это мне! – закричал он, и в глазах его засияла такая радость, какой никогда не было, когда бабушка дарила ему конструктор Лего, велосипед или водила в кино на «Мстителей». Ну, как скажешь счастливому ребенку, что вовсе не собиралась дарить ему собаку, а собиралась подарить планшет? Никак не скажешь.

Пришлось в этот же день поехать в Лугу к ветеринару. Ехали они на бабушкином «Матиссе», маленькой машинке ярко-зеленого цвета с нарисованной на дверце божьей коровкой. Ветеринар осмотрел щенка, на удивление, не обнаружил блох, велел принимать глистогонное, вымыть специальным шампунем и в морду пока не целовать.

Мама с папой, приехавшие поздравить сына с днем рождения под вечер (родители у Васьки были очень занятые деловые люди. Мама работала страшным врачом стоматологом, а папа – в банке занимался всякими ценными бумагами), конечно, очень удивились. Но поделаться уже ничего не могли. Мадам Петухова и ее довольный внук заняли круговую оборону и защищали щенка, не щадя жизни. Кстати, имя щенку, конечно же, выдумала мадам Петухова прямо у ветеринара, когда заполняла медицинскую карточку пациента. Так он и остался Эрнестом Миллером Хемингуэем.

Тайна

Так в чем же тайна? – спросит меня торопливый читатель и тут же добавит требовательно, что ему обещали тайну. Сейчас расскажу.

Через двенадцать дней после появления в семье Хэма случилось полнолуние. Весь вечер щенок беспокоился, рвался на улицу и скулил. Но на улицу его, конечно же, не пустили, а наоборот, заперли в маленькой комнате, где спал Василий. И вот, часов в одиннадцать вечера, когда на потемневшем небе расцвела ярким шаром полная луна, мальчик проснулся от беспокоящего шума: в углу, на подстилке щенка, творилось странное – бедного пса словно раздувало изнутри, выворачивало и растягивало, и он выл от боли. Когда на шум в комнату влетела растрепанная мадам Петухова с выбивалкой для ковра наперевес, никакого щенка в комнате не было. На плетеной циновке сидел бородатый мужчина лет тридцати, совершенно голый и почему-то брюнет. Собака оказалась оборотнем. Как известно, люди в полнолуние иногда превращаются в волков, летучих мышей и медведей. Это случается нечасто, но все-таки случается. Но бывают еще более редкие случаи – животные, которые превращаются в людей.

Когда мадам Петухова успокоилась и передумала звонить в полицию, брюнет ей все это доходчиво объяснил. Мадам Петухова пила корвалол и постепенно успокаивалась, а мужчина, между тем, натянул на себя старые джинсы папы.

– Выпьете чаю? – спросила мадам Петухова, которая всегда была образцовой хозяйкой. Бывший щенок, а теперь человек Хэм кивнул. Бабушка пошла ставить чайник и наре-

зять к чаю ватрушку, а Василий посмотрел на оборотня с недоверием:

– Что-то не сходится, – сказал он сурово, – если Вы оборотень, то почему Вы такой взрослый? По моим прикидкам, Вы должны были бы быть ребенком лет пяти.

– Есть на то причина, – отвечал Хэм. – Дело в том, что мы, собачьи оборотни, живем в постоянном круговороте. Когда умирает одна наша собачья сущность, дух оборотня тут же переселяется в какого-нибудь щенка. Так что мне сейчас тридцать один год, а ваш щенок – уже пятая собака, с которой я живу в симбиозе.

– В чем? – спросил Василий, который биологию еще не проходил.

– В содружестве, – пояснил Хэм. – Кстати, твоя бабушка не могла бы сделать пару бутербродов с колбасой, а то я жутко голоден? Мы, оборотни, постоянно хотим есть.

«Это, наверное, потому, что на превращение расходуется масса энергии» – подумал Василий и побежал на кухню за ватрушкой, бутербродами и чаем.

Мадам Петухова и Василий на удивление спокойно отнес-

лись к появлению в их семье оборотня. Они были подготовлены чтением сказок, просмотрами фильмов, а также японского анимэ. Другое дело – родители. Они, конечно, сначала порывались отправить мадам Петухову на осмотр к психиатру, а Василия – к детскому психологу. Они говорили какие-то заумные слова о вымышленном друге и подозревали розыгрыш. Но Василий заранее подготовился – он снял превращение оборотня обратно в щенка на камеру своего нового планшета.

– Или наш ребенок – гениальный мастер спецэффектов, или это все – правда, – сказал папа маме после просмотра ролика.

Мама была закалена своей нелегкой работой и только поэтому не заплакала. На семейном совете решено было оставить Хэма в семье и крепко-крепко хранить тайну.

Немного о Василии Петухове

Василия Петухова называли в честь его дедушки – любимого мужа мадам Петуховой. По ее словам, дедушка был летчиком морской авиации и однажды в бурную грозу пропал с радаров где-то в районе Бермудских островов. Внук пошел в деда неугомонным характером, а, главное, влюбчивостью.

Влюблялся Василий в женщин взрослых и серьезных. Последней его любовью была тренер в кружке бальных танцев – высокая девушка со скульптурной спиной и черной сеточкой в волосах. Впрочем, к моменту появления в семье Хэма, эта любовь уже развеялась, как дым, и сердце мальчика было совершенно свободно.

Кстати, а почему Василий? Почему мы все время называем мальчика полным именем? На этом настаивала строгая мама. «Вася, – говорила она, – это ни то, ни се. Какой-то бесхребетный подкаблучник. Васька – вообще не имя, а кличка. А вот Василий – серьезная заявка на счастливое будущее. Так, между прочим, многих царей звали».

В общем, родители стремились вырастить из Василия неординарную личность. Для этого его отдали учиться в школу с тремя языками да еще и углубленным изучением математики, а по вечерам он ходил в шахматный кружок, теннисный кружок и танцевальный кружок. «Танцы, – это уже слишком, – думал Василий, выделявая бальные па. – Вполне хватило бы и шахмат». Но его родители так не считали.

Чуть-чуть побольше о Хэме

Раз уж я взялась разоблачать тайны, открою вам еще одну.

Оборотни, как известно, появляются в полнолуние. А как вы думаете, в какое время суток бывает полнолуние? Ночью – ответите вы. А вот и нет. Не обязательно ночью. Дело в том (это страшный секрет астрономов), что луна каждый день восходит и заходит в разное время. Например, сегодня, когда я пишу эти строки луна взошла в 03-05, а зайдет в 19-26. То есть весь день она будет на небе. Почему же мы ее не видим? Потому что солнце гораздо ярче, и в его блеске луна меркнет. Но иногда ее можно разглядеть на небе и днем в виде белого, словно облачного, создания.

Это было первое, что Хэм разъяснил Василию, его родителям и мадам Петуховой. Потому что это жизненно важно.

– Вдруг луна взойдет в самый неподходящий момент, когда вы будете выгуливать меня на улице, – волновался оборотень. – Поэтому вам нужно всегда следить за фазами луны.

С тех пор над письменным столом Василия появился лунный календарь.

Хэм, как уже было сказано, прожил пять собачьих жизней.

Первый раз он появился на свет в стае диких североафриканских собак. Его мама, поджарая опытная псица, конечно, очень удивилась, обнаружив однажды в логове человеческо-

го младенца вместо одного из своих щенков. Но в обиду его не дала и накормила, как и прочих.

– Это было славное время, – говорил Хэм. – Пришлось быстро повзрослеть и научиться охотиться. Я бегал со стаей, словно Маугли, свободный и счастливый. Однажды я встретил женщину, такую же, как я. Она была гепардом и рассказала мне о том, кто такие оборотни. Надо сказать, я считаю, мне повезло гораздо больше, чем многим оборотням. Человек приручил собаку и относится к ней почти как к другу. Поэтому все мои хозяева не очень-то и пугались, когда видели мое преобразование. А вот быть гепардом и однажды очнуться в клетке – это очень грустно.

Второй раз Хэм родился черным водолазом в семье английского профессора в 50-х годах прошлого века. Профессор научил его читать и рассказал многое о мире. В этой жизни оборотень испытал свою первую и единственную любовь.

– Ее звали Джейн. Она была секретарем профессора, и я иногда видел ее, когда принимал человеческий образ днем. Я смутно помню, что любил ее и когда был собакой. Она всегда ласкала меня и угощала крекерами. Наверное, ей нравились водолазы. У вас, у людей, с любовью все очень сложно. Не то, что у собак.

– Это точно, – авторитетно кивала мадам Петухова, и Василий был с ней согласен.

Третий раз Хэм вспоминать не любил. Третий раз он был пекинесом в средневековом Китае и жил в женских покоях обширного дома одного из князей. Капризные красавицы забавлялись с его человеческой ипостасью так же, как забавлялись с пушистым любимцем. А под конец, когда князь прознал, что к его жене ходит какой-то посторонний мужчина, пекинеса просто-напросто сунули в мешок и утопили в колодце.

Четвертый раз Хэм был борзой у русского барина.

– Тогда я и выучил язык, – иначе мне пришлось бы с вами общаться на английском или китайском.

Барин помимо охоты увлекался мистикой, читал труды Калиостро и Месмера и считал Хэма чем-то вроде гомункулуса.

– А я его и не разубеждал, – говорил оборотень. – Там я счастливо дожил до глубокой старости.

Вот так и получается, что Хэм впервые попал в наш, современный, мир. В мире этом многое его поражало. Напри-

мер, что телефон можно носить с собой, куда ни захочешь. Или тот огромный экран, который висел на наружной стене их дома и по которому крутили рекламу. Машины с кондиционером и навигатором. То, что можно послать письмо человеку, находящемуся за тысячи километров от тебя, и получить ответ через минуту.

Да, и еще. Вам, конечно, известно, ребята, что оборотни обладают сверхъестественной силой. Вот это правда. Это не врут. Щенком Хэм был вполне обыкновенным, но когда становился человеком, мог без труда пальцем проткнуть стену и одной рукой сдвинуть экскаватор. Но, будучи уже опытным оборотнем, силой своей не хвастался, а всячески скрывал ее.

Как Хэм джинсы покупал

Как-то раз решила мама Хэма приодеть. А то он все время ходит по дому в старых папиных штанах. А папа, между прочим, Хэма на три размера больше, поэтому штаны приходится подвязывать куском веревки, которую Хэм самолично срезал на даче (на этой веревке мадам Петухова развешивала сушиться свежевывстиранное белье). Так что вид у Хэма точь-в-точь, как у Робинзона Крузо. Только шапки из козьего меха на голове не хватает.

Поэтому мама дождалась, когда полнолуние пришлось на дневное время, поменялась сменами со своей подругой Каариной, и потащила Хэма в магазин – джинсы покупать.

– Мы тебе купим хорошие крепкие джинсы. – Выговаривала она засмущавшемуся оборотню, который до этих пор ходил в магазин мужской одежды только пару раз с английским профессором покупать твидовый костюм, и несколько стеснялся женского общества. – Ты знаешь, какие крепкие джинсы у Леви Страус? В старину брали две лошади, привязывали по штанине к каждой и пускали лошадей вскачь в разные стороны. И то не рвались!

Хэм кивал головой и плелся за мамой.

В магазине Хэма ждал очередной удар – продавщица оказалась тоже женщиной. Правда, если бы он ориентировался только по зрению, он бы с трудом опознал в ней женщину, ведь она носила брюки и коротко стриглась. А оборотень привык к другим женщинам – в летящих платьях и с красивыми укладками на голове. Но запах у нее был женский, а запаху всегда можно доверять, не то, что внешности.

Быстро накидав Хэму на руку пять пар джинсов, мама отвела его к деревянной кабинке, такой узкой, что он едва ли мог там встать, раскинув руки, и велела примерять. Хэм об-

радовался, что сейчас его оставят в покое, но не тут-то было. Каждые две минуты мама стучалась в кабинку и требовала показать ей, как сидят джинсы.

– Ну, понравились какие-нибудь? – спросила она, когда примерка, наконец, кончилась.

Хэм, смущаясь, указал на самые широкие.

– Берем эти, – сказала мама продавщице и расплатилась с ней весьма странным образом – протянула какой-то четырехугольник и набрала несколько цифр на клавиатуре маленькой машинки.

А вечером, когда Василий вернулся из шахматного кружка, Хэм продемонстрировал ему новые джинсы.

– Прочные, – сказал он, – две лошади не порвут. – И в доказательство взял за штанины и потянул. Раздался треск, и джинсы разлетелись на две половинки.

Хэм оказался сильнее двух лошадей сразу.

Верю – не верю

Василий Петухов страшно не любил ложиться спать. Пока спишь, казалось ему, в мире происходит все самое интересное, а ты это пропускаешь. Хэм тоже не любил спать в человеческом облике. «И так жизнь короткая, – говорил он, – всего три дня каждый месяц, – а тут еще спать. Лучше я новости в интернете читаю». Мальчика очень удивляло, что Хэма не интересовали ни фильмы, ни книги, ни компьютерные игрушки – оборотень считал все это глупыми человеческими забавами и увлекался только сообщениями о реально случившихся событиях. Интернет сначала восхитил его тем, что в нем можно было найти сведения обо всем на свете, а потом разочаровал.

– Врут много, – сказал он Василию. – У нас, у оборотней, нюх на вранье.

– Что, правда, что ли? – не поверил мальчик. – А давай проверим? Вот, например, пишут: «Триумфом завершились гастроли известной российской певицы в Германии»

– Врут, – сказал Хэм. – И певица не слишком известная, и гастроли были так себе, а уж триумф... Ты вообще знаешь, что такое триумф?

– Ну, успех, – напрягся Василий.

– Успех... Триумф – это вот как. Возвращается полководец в Рим после славной победы. И народ решает воздать ему почести. Его одевают в пурпурные одежды (а знаешь, сколько пурпур стоил, у-у...), даже на ноги надевают золоченые сандалии, сам он встает на колесницу, запряженную четверкой белых коней, а иногда даже слонами или оленями, и так въезжает в город через специально построенную арку, которую называли триумфальной. А за ним на огромных возах, запряженных быками, везут добычу: оружие, доспехи поверженных врагов, их знамена, всяческую утварь, монеты, статуи, драгоценные ткани. Народ кричит: «Слава победителю» и рукоплещет. И все это время раб держит золотой лавровый венок над головой триумфатора, и чтоб тот не зазнался, время от времени шепчет на ухо «Помни о смерти».

– Ух ты! – говорит Василий. – Ну, тогда, понятно, все врут. По нынешним улицам на четверке коней не поездишь. А откуда ты это знаешь?

– От профессора.

– А он откуда знал?

– Из разных умных книжек. Но в книжках тоже, бывает, все врут. Хотя про триумф не врут, носом чую.

Безымянная кошка

Эта кошка жила в подвале старого дом на Обводном канале, в котором находилась квартира семьи Петуховых. Кошка была трехцветная, лохматая и немолодая. Каждый год – весной и осенью – она приносила котят, которые потом разбегались по соседним дворам и маму навещать не приходили. Летом кошка лежала в тенишке и жмурилась на солнце. Зимой она забиралась под не успевшие остыть автомобили или на люки центрального отопления, из которых всегда шел теплый пар.

Когда во дворе появился новый рыжий щенок, кошка благоразумно залезла на единственное дерево, росшее посреди асфальтовой площадки, и оглядела щенка сверху. Щенок опасным не казался. Щенок казался в меру глупым и уродливым, как то свойственно собакам. Чего стоил только его преданный взгляд, устремленный на хозяина-мальчишку, клочковатая борода, обрамлявшая нижнюю челюсть, как у терьера, и хвост бубликом, как у лайки. Кошка считала всех собак беспородными, но некоторые собаки – пудели, например, или шпицы – по крайней мере, старались как-то приукрасить свою неблагородную внешность. Рыжий щенок не производил такого впечатления. Наоборот, он выглядел вполне довольным своим плебейским видом.

Кошка слезла с дерева, посмотрела на щенка презрительно и перестала о нем думать. Перестала думать до того дня, как этот самый мальчишка появился однажды утром во дворе об руку с незнакомым мужчиной. Кошка принюхалась и с удивлением обнаружила, что пахнет мужчина точь-в-точь, как рыжий щенок. «Пометил, что ли?» – задумалась кошка. Не было похоже, что пометил. У помеченных людей – например, у старухи Лисичкиной, жившей в шестом подъезде с двадцатью домашними кошками, сквозь приятный запах пометившего их животного все-таки довольно явственно пробивался особый человеческий аромат. А этот незнакомый мужчина просто и незамысловато пах точно так же, как рыжий щенок. Тут крылась какая-то тайна.

Кошка постановила для себя следить. И вскоре выяснила, что и мужчину, и рыжего беспородного зовут одинаково – Хэм. «Вот оно что!» – припомнила кошка древнюю легенду о зверях, которые могли становиться людьми. И если бы кошка была злодейкой, она, конечно же, тут же бы придумала, как использовать этот факт в своих злодейских планах. Но кошка злодейкой не была. Во всяком случае, так считали все обитатели двора, кроме крыс.

Когда во дворе появляется новый пес, и не какой-нибудь высокопородный дог или симпатичный шпиц, а рыжая маловоспитанная дворняга, обязательно найдется соседка, которая невзлюбит бедолагу. В лучшем случае она станет шипеть себе под нос нехорошие слова, когда щенка выгуливают и корчить недовольные рожи. В худшем примется строчить жалобы в санэпидемстанцию, полицию и налоговую инспекцию. Говорят, встречаются даже такие соседки, которые тайком покупают мышьяк и пытаются отравить животных. Но, к счастью таких злодеек в доме Петуховых не было. Зато жила там пожилая женщина с приятным добрым именем Марья Михайловна. Было ей немного за шестьдесят, она недавно вышла на пенсию, и ей совершенно некуда было девать свою кипучую энергию, которую прежде полностью поглощала трудная работа сметчицы в одном из строительных трестов Санкт-Петербурга.

Марья Михайловна, помимо всего прочего, была ведьмой. Но не той добропорядочной ведьмой старой закалки, которая собирает крапиву в полночь на кладбище, портит кровь и вынимает след. Нет, она была ведьмой нового образца, то есть о своих колдовских способностях ничего не знала, на метлах не летала, а шабаш устроила только один раз, и то это было на заседании комсомольской ячейки по поводу хулиганского поведения Павла Артемьева, расквасившего нос

на дискотеке своему товарищу Антону Берестову. За Антона Берестова, высокого шатена с синими глазами, молодая Марья Михайловна собиралась выйти замуж, поэтому отстаивала его честь и целостность его носа и требовала самых страшных наказаний для хулигана. Но то было дело давно минувших дней. Сейчас же дама проявляла свои темные способности, в основном, незамысловато: легко ссорила несколькими словами молодоженов, повергала в печальное настроение одиноких старушек и доводила до печеночных колик своими медицинскими советами женщин средних лет. Заметив как-то днем во дворе младшешкольника Василия со щенком-дворнягой, Марья Михайловна подошла к нему с ласковой улыбкой и сказала:

– Здравствуй, Васенька! Ой, какой у тебя песик хорошенький? Терьер, наверное?

– Угу, – буркнул Василий, – двортерьер.

– А где же вы его такого миленького взяли?

– На даче, – коротко отвечал мальчик.

«Небось, наиграются да и выкинут» – решила недобрая женщина и успокоилась. Но Петуховы, к ее удивлению, щенка не выбросили и продолжали о нем заботиться, даже когда

он вымахал в здорovenного лохматого пса. Это было подозрительно. Еще более подозрительным был их родственник из Конотопа, который странным образом появлялся каждый месяц и таким же странным образом исчезал. Ни разу не видела Марья Михайловна, чтобы жена или муж Петуховы ездили встречать его на Московский вокзал, или куда еще прибывают поезда из Конотопа. Ни разу не видела она и этого молодого человека с чемоданом или хотя бы спортивной сумкой, из которой пахло бы домашним салом, помидорами, или что еще привозят из Конотопа нормальные гости. Ведьминским своим чутьем ощущала она вокруг мужчины какую-то нездешнюю силу, и, так как никак использовать себе на благо ее не могла, невзлюбила Хэма, как в обличьи щенка, так и в обличьи человека, со страшной силой.

Быть человеком

Поздним августом, когда звезды на небе горят так ярко, что их можно разглядеть даже в мерцающем блеске городских фонарей, а уж тем более в телескоп, который Василию подарили родители за успешное окончание третьего класса, мальчик с Хэмом сидели на подоконнике, свесив ноги во двор (пока бабушка не видит) и мечтали.

– Вот вырасту и стану машинистом Сапсана, а может, еще

какого быстрого поезда, который к тому времени изобретут, – говорит Василий. – Там в кабине полно приборов разных со стрелочками и дисплеями, кругом рычаги и кнопки, и даже автопилот есть. Буду сидеть в локомотиве, в самой голове поезда, пить крепкий чай с песочным печеньем и смотреть, как мелькают деревья, кусты, дома, коровы и машины.

– А не надоест каждый день по два раза одно и то же в окне видеть? – сомневается Хэм. – Опять же от чая с печеньем зубы разболеться могут, а от сидячей работы появится люмбаго.

– Это что за птица?

– Болезнь какая-то. Профессор страдал. Нет, мне твоя мечта не по вкусу, – продолжает Хэм, – я вот хочу в следующей жизни переродиться ездовой лайкой. Такой, знаешь, с голубыми глазами. Чтобы где-нибудь на Крайнем Севере нарты возить и мороженой рыбой питаться. Снег искрится на солнце, скрипит под лапами, бежишь и радуешься. А даже если и пурга – свернулся калачиком рядом с братьями-лайками и спи, пока хозяин не разбудит.

– А как ты там человеком жить будешь?

Хэм задумался, потом потянулся и сказал.

– Знаешь, я только сейчас понял, что меня особо не волнует, как я буду жить человеком. Псом быть иногда голодно, иногда холодно, часто опасно, но в целом легко. А человеком – где бы ты ни жил – человеком быть сложно.

Старушка и белье

В каждом старом доме живет чудаковатая старушка. Жила такая старушка и в доме Петуховых. Звали ее Кондратьевна. Старушка прикармливала голубей на балконе, но не потому, что она птиц любила. Вернее говоря, именно потому, но любила она их не платонической любовью. Кондратьевна уважала жареных голубей в луковом соусе. Поэтому прикармливая глупых пернатых, она очень ловко ловила их специальной веревочной петлей, сворачивала шеи, ощипывала, опаливала оставшийся пух на газовой конфорке и готовила на старой чугунной сковородке. Во всем остальном она была доброй и милой старушкой. И очень наивной.

По своей наивности она думала, что сейчас, как и пятьдесят лет назад, в годы ее молодости, белье лучше всего сушить на свежем воздухе. И хотя во дворе этого свежего воздуха почти не водилось, а водились бензиновые выхлопы и метки гуляющих котов, Кондратьевна натянула веревки и регуляр-

но вывешивала свои простыни и пододеяльники сушиться. Естественно, так же регулярно белье тащили злоумышленники, и так же регулярно сердечные соседи заменяли похищенное бельем, взятым из своих запасов.

– Ишь ты, – радовалась Кондратьевна, – как вкусно пахнет! Совсем ведь другой коленок, когда белье на свежем воздухе сушишь. Тут тебе и цветами пахнет и даже как будто хвоей, – радовалась она запахам, которые придавал белью кондиционер «Альпийская свежесть», которым пользовались соседи.

А Хэм как раз вошел в ту пору, когда у собак ноги удлиняются невероятным образом, вся фигура становится раскультипистой, щенячья прелесть исчезает, а чувство собственного достоинства и спокойная грация, присущие взрослым псам, еще не появляются. И вот Хэм обнаружил белье, вернее ветер, который заманчиво шевелил белые простыни. Несомненно, за ними скрывался злоумышленник, который готовился напасть на хозяйку! Хэм залаял, призывая врага на честный бой. Злоумышленник продолжал трусливо прятаться за простынями. Хэм зарычал. Злоумышленник погрозил ему из-за простыне чем-то, напоминающим нож. Хэм взъярился и бросился на врага. Не прошло и минуты, как все простыни чистоплотной Кондратьевны были порваны в клочки, измазаны дворовой пылью, в общем, приведены в

совершенно негодное состояние. Мама, которая в тот день выгуливала пса, вздохнула, оттащила Хэма от поверженного врага и повела домой.

Надо ли говорить, что в тот вечер Кондратьевна опять снимала со своих веревок белье, неожиданно сильно пахнувшее сиренью?

– И ведь вроде осень на дворе, – удивлялась старушка.

Бедный Хэм

Однажды сослуживица мамы, которую мама звала просто Карина, а Василию полагалось звать Карина Араратовна, забежала домой к Петуховым, чтобы занести головку сыра, банку икры и большой кусок слабосоленого филе семги. Все это Карина Араратовна привезла из Финляндии по заказу мамы. Как водится, мама, вместо того, чтобы быстро упрятать все в холодильник и выпроводить шумную гостью, затеяла чай, подала бутерброды, вишневое варенье и рассыпчатое курабье. И они принялись щебетать. Василий не любил, когда женщины щебечут и поэтому скрылся в своей комнате. Хэм, который в тот день был мужчиной, лежал на диване и читал Плутарха. Только мальчик хотел оторвать его от этого глупого занятия и пригласить сыграть на пару в ходил-

ки-стрелялки, как в комнату ворвалась разгоряченная от чая Карина с криком:

– А где здесь прячется мой любимый сладкий мальчик? – И тут увидела Хэма с Плутархом. Не знаю, что произвело на даму большее впечатление – потрепанный том римского историка в руках или мускулистый торс мужчины, который предпочитал дома ходить в одних джинсах, но она ойкнула и принялась тараторить еще быстрее:

– Ой, здравствуйте! А Вы, наверное, дядя Василия?

– Это мой брат, – сказала подоспевшая мама, которая, как все взрослые, умела врать быстро, но не умела врать коротко. Именно из-за этой неспособности к краткому вранью она неизвестно зачем добавила: – Двоюродный. Из Конотопа.

– Надо же. И чем Вы там занимаетесь, в Вашем Конотопе? Вы, наверное, ученый?

Хэм врать не умел, поэтому слегка порозовел и хмуро сказал:

– Немножко ученый, немножко нет.

Казалось бы, вполне очевидно, что человек не хочет с то-

бой разговаривать, ну и отстань ты от человека! Так нет: Карина Арартовна вцепилась в Хэма мертвой хваткой.

– Ой, а кто Вам придумал такое забавное прозвище?

– Ой, а Вы и вправду похожи на Хэмингуэя!

– Ой, а Вы уже послезавтра уезжаете! Остались бы еще погостить.

– Ой, а я бы на Вашем месте переехала в Питер. Что там делать в этом Конотопе с Вашими способностями!

Хэм стеснялся и что-то бурчал в ответ, но это надоедливую Карину не смущало. И кончилось все, конечно, тем, что Хэму пришлось надеть рубашку, куртку и кроссовки и пойти провожать дамочку, потому что ноябрьские вечера такие темные, а во дворе она видела какую-то подозрительную компанию, и вообще запарковала машину не здесь, а на соседней улице. Василий забеспокоился.

И беспокоился он не зря: на улице бойкая докторица тут же взяла Хэма под руку и прижалась к нему горячим бедром. И, возможно, Хэм так-таки и пропал бы совсем, если бы не безымянная кошка. Она как раз возвращалась в подвал и, заметив Хэма и дамочку, стоявших у открытой машины, сразу

все поняла. В кошке разыграл материнский инстинкт, и она бросилась на защиту глупого щенка. Карина с ужасом глядела на внезапно вставшего поперек дороги зверя со вздыбленной шерстью, который издавал крайне агрессивный вой. Женщина, конечно, ожидала, что Хэм смело бросится на защиту. Но Хэм как-то стушевался и даже попятился назад. Карина Араратовна, опасаясь за сохранность колготок и вообще ног, очень быстро села в машину.

– Нет, настоящих мужчин совсем не осталось, – грустно думала она, уезжая.

А Хэм, который и на самом деле был не совсем настоящим мужчиной, правда, совсем по другой причине, пошел домой. И даже что-то насвистывал по дороге.

Острый нюх

Хэм за ужином мимодумно съел весь хлеб, папа был занят – читал биржевые новости в компьютере, и маме пришлось идти вечером в магазин. Магазин близко, но чтобы попасть туда, нужно пересечь Лиговский проспект и Обводный канал. А светофор на перекрестке опять сломался. Машины гудят, пешеходы, сломя голову, бросаются под колеса, и Хэм волнуется. Открыл окно и аккуратно водит носом – приню-

хивается. Нюх у него еще тот, ого-го-го у него нюх. Василий когда из школы возвращается, Хэм всегда заранее знает, была ли у него драка и какую он получил оценку – куда лучше, чем мама. Когда Хэм – собака, он просто подходит и смотрит умными глазами, а когда Хэм – человек, треплет по макушке или говорит: Дай пять!».

Мама долго не возвращается, и оборотень начинает нервничать:

– Опасностью пахнет. – говорит он. – Водкой, сигаретами, мокрым асфальтом и опасностью.

Василий же совершенно не волнуется – ну, что может случиться с мамой, ведь она же мама! А мама, наверное, зашла в магазин, да и вспомнила, что еще надо купить сыру, зефира, груш и зубной пасты. Вот и задержалась.

Внезапно Хэм вытянулся, быстро втянул в себя воздух, и перемахнул через подоконник – только его и видели. Четвертый этаж! Василий бросился к окну, ожидая увидеть внизу разбившегося друга, но увидел только, как Хэм стремительно выбегает на набережную Обводного. Василий быстро подумал, да и бросился к двери. И, хотя Василий бегал быстро, он опоздал. На освещенной яркими фонарями мокрой октябрьской улице он увидел маму, брошенные на зем-

лю пакеты и Хэма. Хэм прижимал бумажный носовой платок к ладони, и платок набухал ярко-алой кровью. Пока шли домой, мама рассказала, что к ней пристали два каких-то пьяных парня. Когда подоспел Хэм, один из них вытащил нож и пошел на оборотня. А Хэм не отступил, не уклонился от лезвия, просто схватил его своей сильной рукой и отломал. Потом была короткая куча-мала, и парни убежали.

– По-моему, – говорила мама, – Хэм им что-то сломал. Я слышала, как хрустнуло.

– Это у меня хрустнуло, – смущенно отвечал оборотень, – я опять порвал джинсы.

– И рука теперь долго заживать будет, – погрустнела мама.

– Не, – беспечно сказал Хэм, – недолго. Завтра уже все пройдет.

Когда они вернулись домой, папа взглянул на них неодобрительно и погрозил пальцем. Виданное ли дело – ходить встречать маму на улицу, когда она вышла на пять минут за хлебом. Ну, что с ней может случиться, ведь она же – мама!

Приятный незнакомец

Хэм, по своей прошлой жизни в доме барина-мистика, хорошо помнил и любил русскую зиму: пушистый чистый снег, по которому так приятно валяться, гон на охоте, когда морозный воздух приятно холодит раскрытую пасть, взятие снежной крепости и шумную масленицу. Хэм был совершенно не готов к питерской зиме, которая к тому же в этом году была необыкновенно поздней и слякотной. Стояла уже середина января, а снег так и не лег. Хэм-пес гулял в чахло-скверике, расположенном неподалеку от их двора, и недовольно косился на маслянистые лужи. Как всегда по вечерам с ним гулял Василий, только что вернувшийся с тренировки, и мадам Петухова, которая досаждала мальчику вопросами о том, какие танцы ему больше нравятся – латино или рок-н-ролл. Василий был одинаково равнодушен и к тем, и к другим, и о танцах говорить не хотел, а хотел играть с Хэмом, бросая ему палку. А мадам Петухова в этот раз палку бросать не разрешила, потому что было и в правду на редкость грязно, и, бегая по кустам, пес сильно запачкал бы лапы, а кто их будет отмывать? Конечно, я – заключила печально мадам Петухова, и потому они чинно гуляли по гравийным дорожкам и скучали.

– Прошу прощения, – вдруг раздался сзади приятный мужской голос, – я частенько прохаживаюсь здесь вечерами и давно заметил вашу дружную компанию. Если не ошиба-

юсь, это ирландский терьер?

Мадам Петухова обернулась, улыбнулась и зачем-то соврала:

– Да.

– Прекрасный образец. И совсем еще молодая собака. Люблю этот щенячий задор! – тут уж повернулся и Василий, посмотреть на надоедливого дядьку, и увидел солидного высокого старика в каком-то странно блестящем, словно плюшевом, полупальто и с тростью в руках. У трости был непропорционально большой наконечник светло-серого металла в виде уродливой морды. Вместо глаз у морды были вставлены красные стеклышки.

– Это нетопырь, – проследил его взгляд незнакомец .

Мадам Петухова поправила шляпку и спросила невпопад:

– Вы, наверное, профессор медицины?

Незнакомец засмеялся, показав необыкновенно ровные и крупные белые зубы.

– Нет, что вы. Я предприниматель. Владелец нескольких

клубов и ресторанов. Такие, знаете ли, полузакрытые заведения для непростой публики.

Мадам Петухова закивала в ответ. Незнакомец снял с руки тонкую перчатку, наклонился, протянул руку с тщательно наманикюренными ногтями и потрепал Хэма по холке.

– Бедный пес, – сказал он ласково, – хочешь поиграть, а не дают? – Хэм почему-то попятился и взглянул на Василия жалобно. «Давай уйдем отсюда», – говорил этот взгляд. Но мадам Петухова уходить не торопилась. Она еще побеседовала с незнакомцем о погоде и собиралась уже плавно перейти к политике, как незнакомец заторопился уходить.

– Да, я не представился, – вспомнил он, но имени так и не назвал, а протянул черную лаковую карточку.

Дома эту карточку мадам Петухова торжествующе показала невестке и принялась захлеб рассказывать о том, какой это был представительный мужчина.

– На нем была настоящая кротовая шуба! И трость с серебряным набалдашником и гранатами! А какие зубы! Они, наверное, стоили ему кучу денег! – и прочие женские глупости.

Василий подошел поближе и взял визитку, чтобы рассмотреть. Золотыми буквами на ней было написано: «Владис. Клуб «Убыр». И больше ничего.

Ночь. Улица. Фонарь. Аптека

Василий опять влюблен. На закрытом теннисном корте он встретил прекрасную незнакомку. Он не знает ни сколько ей лет, ни какого цвета у нее глаза, ни форму ее носика. Он видел ее только со спины. Очень тонкую талию и над перекрестьем лямок – широкие, но не чрезмерно, мускулистые, но не слишком, ровно загорелые (это зимой-то!) плечи. Он видел ее только со спины и только один раз. Он влюблен и не спит. Стоит у окна и смотрит на улицу.

На улице мигают ровным желтым светом светофоры. Фонари освещают тонкий слой снега, выпавшего с вечера, на котором уже показались черные проплешины. Красный крест аптеки на углу. И тишина. У Василия от любви сжимается все внутри, и комок подступает к горлу. Хочется плакать – ведь он ее не увидит больше никогда. Почему-то мальчик в этом уверен. И также крепко он уверен в том, что это – настоящая большая любовь на всю жизнь. Вот он вырастет, выучится, пойдет работать пилотом лайнеров международного сообщения и однажды, выходя из аэропорта, встретит

ее – такую же тоненькую и прекрасную. Он сразу ее узнает, а она будет думать, что это их первая встреча. И когда он признается ей в любви с первого взгляда, она будет смеяться и делать вид, что не верит. «Что ты врешь? Я была такая нелепая в тот день, в старых джинсах, дорожных кроссовках и растянутой футболке» – скажет она. И так никогда и не узнает, что на самом деле он влюбился в нее еще десятилетним мальчиком.

Василий вздыхает и поворачивается к комнате лицом. Хэм спит на своей подстилке в углу. Рыжее тело расслаблено, лапы раскинуты, морда полуулыбается.

«Вот интересно, – думает Василий, – любил бы я так Хэма если бы он был просто собакой?» Не найдя ответа на этот вопрос, он подходит к псу и чешет его за ухом, тот просыпается, но не открывает глаз, просто поднимает голову и лижет ласкающую его ладонь.

Внезапно Василий чувствует, что ужасно устал, да и босые ноги начинают мерзнуть. Он возвращается в постель, закутывается в одеяло и через минуту уже спит.

Возвращение с Бермуд

Про эту историю никто из младших Петуховых не знает. И вы бы не узнали, если бы не безымянная кошка, которая была всему свидетельницей и рассказала мне.

Однажды мадам Петухова решила купить настоящей баранины. А где можно купить хорошего мяса? Конечно, на Кузнечном рынке. Там покупали филе и рагу мать мадам Петуховой, ее бабушка и, без сомнения, прабабушка. И вот уже женщина важно прохаживается между рядами и решает, что ей взять: такую аппетитную корейку с совсем тонким слоем жира, или ребрышки. Что делать с мясом, она уже знает: она пожарит его, а потом припустит с большим количеством чеснока. А на гарнир подаст тушеную фасоль с грецкими орехами. И вот мадам Петухова совсем уже решила в пользу корейки, как какой-то лысоватый дедок в потертом пальто, непонятно как оказавшийся на дорогом рынке, через два ряда простер к ней руки и закричал:

– Олюшка! Олюшка!

Мадам Петухова взглянула и позабыла о кулинарии. Это был он – пропавший некогда без вести из ее жизни летчик авиации особого назначения Василий Петухов старший. То есть, конечно, как уже догадался проницательный читатель, летчиком он и не был никогда. Служил он инженером на судостроительном заводе и по причинам, не имеющим ни-

какого отношения к моему повествованию, однажды решил уйти из семьи. Суровая жена решительно пресекла все его (по правде сказать, не очень рьяные) попытки встречаться с малолетним сыном, и в течение нескольких лет широкими мазками нарисовала в воспоминаниях ребенка образ бравого летчика. И вот теперь этот самый инженер-летчик, пробравшись сквозь толпу, стоял перед ней и радостно бормотал что-то вроде:

– А я вот видишь, пошел творожку купить и сметанки. Ну, как ты, Олюшка, как Алексей? Небось, большой уже?

– Еще бы! – фыркнула мадам Петухова, – Ему уже тридцать шесть исполнилось в этом году.

– Как время-то летит! – сокрушался лысоватый Василий и заискивающе заглядывал в глаза бывшей жене, – у меня ведь тоже двое. Девочки. Уже взрослые, одна замужем, в декрете сейчас, другая институт заканчивает.

– Ну, и как ты живешь с этой? – словно бы нехотя поинтересовалась мадам Петухова.

– Неплохо, – ответил Василий старший. – Только знаешь, Олюшка, я в последнее время все чаще тебя вспоминать стал.

– А нечего меня вспоминать, – отрезала женщина. – Ты для нас – чужой.

– Вот ведь, – вздохнул старик, – Ну, бывай, Олюшка, может, встретимся еще!

– Не хотелось бы, – пробурчала мадам Петухова и принялась очень внимательно разглядывать мясо на прилавке.

И позабыла о нем напрочь. Ну, в общем, почти совсем позабыла. Только, может, самую чуточку еще помнила, когда готовила проклятушую баранину и горячим расплавленным жиром обожгла нежную кожу на запястье левой руки. Сунула она руку под струю холодной воды и расплакалась. Но случайная встреча на рынке тут, конечно, была не причем.

Любовь, любовь...

Зима в тот год была такой слякотной и теплой, что люди чуть-чуть не пропустили приход весны. И точно пропустили бы, и потом очнулись бы только в мае, с удивлением глядя на зеленые листики и желтые одуваны, неизвестно когда вылезшие из земли, если бы не верные спутники людей – коты. Едва настал март, как все окрестные Мурзики и Барсики по-

тянули носами, раззявили пасти и запели.

Появились поклонники и у безымянной кошки. Один из них вел сытую жизнь прихлебателя на Кузнечном рынке и пару раз приглашал к себе даму сердца подкрепиться. Это был сытый крепкий кот черного цвета с белыми носочками на передних лапах, очень представительный. Но сердце у нашей кошки к нему не лежало. Гораздо больше нравился ей второй кавалер – серый полосатый и совершенно беспородный (на взгляд людей), которого старая чудаковатая Кондратьевна почему-то прозвала Семеном. Кот этот на самом деле происходил по прямой линии от знаменитых ярославцев, которые когда-то спасли Ленинград от нашествия крыс. От своих храбрых предков унаследовал он вольнолюбивый нрав, крепкие когти и зубы и повышенную драчливость.

Едва за приметив трехцветную кошку, кот тут же решил, что она будет гулять с ним и даже, вполне возможно, принесет ему выводок серых котят. Решивши это, он принялся расчищать себе дорогу, нещадно когтя и кусая всех конкурентов, появлявшихся в непосредственной близости от двора, в котором проживала его безымянная избранница. В ходе этих боев он потерял не один клочок шерсти, получил пару царапин на носу и порванное ухо, но не сдался. И вот уже сидят они на теплом люке вместе и распевают дуэтом прекрасные мартовские песни.

Впрочем, как всякая кошачья любовь, длилась эта идиллия недолго. Вскоре безымянная кошка снова бегала по двору одна, а в мае родила троих забавных слепышей. Когда она впервые вывела их погулять на солнышко, Кондратьевна оглядела семейство внимательным взглядом и сказала удовлетворенно:

– Семенычи.

Белые ночи

Наступала ненавидимая им пора – проклятие прекрасного северного города, столь богатого на пищу и развлечения, цена, которую нужно было платить за сладкую мглу осени и зимы – белые ночи. Мужчина, которого при первой нашей встрече я назвала стариком, стоял у окна, снабженного специальным стеклом, тонированным с внешней стороны и прозрачным с внутренней, и любовался закатом. Впрочем, теперь стариком он не выглядел – сторонний наблюдатель дал бы ему лет сорок пять: лицо было гладко, седые волосы выглядели так, словно им придал цвет опытный колорист в угоду какому-то модному течению, фигура поражала редкой в наше время стройностью, глаза излучали ясность и блеск, присущие, скорее, юности, чем зрелости. И

все-таки это был тот же мужчина, которого в январе встретили на прогулке мои герои. Тогда, помнится мне, он представился им, как Владис, владелец полузакрытых заведений для непростой публики.

Он отошел от окна, сел в глубокое кресло и потянулся к серебряному бокалу, стоявшему на старинной консоли. С удовольствием выпил и даже облизнул губы. Темно-красная капля побежала было по стенке бокала, но мужчина поймал ее своим холеным ногтем и слизнул с пальца, показав ровные белые зубы, которые мадам Петухова совершенно напрасно посчитала за работу хорошего протезиста – зубы были свои. Владис вернулся к своему занятию – он рассматривал фотографии, доставленные ему начальником службы охраны. На фотографиях два веселых человека играли в баскетбол. Это были Василий и Хэм.

«Да, – подумал Владис, – какая неудача! Совершенно очевидно, что он счастлив. А пока он счастлив, он ко мне не придет. Найти такую редкость и не мочь ее заполучить – вот досада!» Впрочем, он недолго грустил. Даже самое безоблачное счастье кратковременно. Рано или поздно этот уникальный оборотень погрузится в печаль, и тогда присоединится к коллекции.

Противостояние

Марья Михайловна затеяла пакость. Всем пакостям пакость затеяла она – вызвала специальную службу по отлову диких животных и натравила ее на безымянную кошку и ее малолетних котят. И вот как раз когда страшный таджик в спецовке вытаскивал животин из сачка и укладывал в клетки, во двор неспешно вышла Кондратьевна, приветствуя мир своей наивной улыбкой.

– Это чтой-то ты тут делаешь, сынок? – спросила она у страшного мужчины. Тот неожиданно улыбнулся ей в ответ и сказал с мягким восточным акцентом:

– Да вот, мать, бездомных котов ловлю.

– И что же с ними будет?

– Потравят.

– А ежели, к примеру, – продолжала Кондратьевна, роясь в своей бесформенной кошелке, – я скажу тебе, что это вовсе не бездомная кошка, а совсем даже наоборот, моя? Муркой кличут. Эй Мурка, Мурка, кис-кис-кис, – сообразительная безымянная кошка подошла к прутьям клетки и потянулась носом к Кондратьевне.

Таджик заколебался, но клетку не открыл.

Тут старушка перестала копаться в кошелке и извлекла на свет румяный душистый пирожок.

– Нака-сь, сынок, попробуй. С рисом, яйцом и зеленым луком.

Такие вкусные пирожки таджик прежде ел только у себя на родине, в детстве. Доев, он стряхнул крошки с рук и решительно освободил кошку с котятками.

– Ну, счастливого пути тебе, сынок, – напутствовала его Кондратьевна.

– А вы, – обернулась она к ошалевшему от неожиданной удачи кошачьему семейству, – больше не попадайтесь.

В окно за всем этим наблюдала Марья Михайловна и от злости колупала крючковатым ногтем дырку в тюле. Но сделать ничего не могла. Как вы все уже догадались, ребята, чудаковатая Кондратьевна была доброй волшебницей. Так ведь всегда бывает: во дворе, где поселилась ведьма, обязательно селится и добрая волшебница. Просто она не такая заметная, вот и все.

Мягкие губы, ветвистые рога

Лето. Семейство Петуховых разобщено. Папа уехал на курсы по борьбе с коррупцией и легализацией преступных доходов (уф, еле выговорила) в Москву. Мадам Петухова с Василием и Хэмом блаженствуют на даче. Мама изнывает в душном Питере в своем стоматологическом кабинете с дипломами на стенках и лечит-лечит-лечит кариес, пульпит и абсцессы. Впрочем, иногда она вырывается за город, но поступает в эти дни странно: не валяется весь день в гамаке с тарелкой крыжовника в руках и планшетом, а берет Василия в охапку и тащит его культурно развлекаться. Мама обожает планировать разные культурные программы. Вот и в это лето она почему-то решила, что сыну пора ознакомиться с красотами пригородов Петербурга. Они уже были и в Павловске, и в Пушкине, и в Гатчине, и в Петродворце. Сегодня вот едут в место с зубодробительным названием Ораниенбаум.

Василию вся эта культура давным-давно надоела. Везде все одинаковое: одни и те же дворцы в резных завитушках, одни и те же парадные залы в зеркалах, одни и те же гостиные со стенами, обитыми шелком в цветочек, один и тот же паркет, из-за которого приходится надевать бахилы, одни и те же старушки, следящие, чтобы ты ничего не трогал. И парки

с цветочными клумбами. Только в Павловске Василий было оживился и предложил маме углубиться в чащу. Но мама в чащу не пошла, а продолжала тащить мальчика по широкой пыльной аллее. Скукота!

Правда, сегодня вышло поинтересней: сегодня полнолуние днем, и Хэм – человек, и мама взяла его с собой. Кроме того, помимо дворцов, которых в Ораниенбауме целых три, там есть еще павильон Катальной горки и реконструкция, какой она была при Екатерине Второй. Оказывается к этому, похожему на торт, украшенный голубой и белой глазурью, зданию была пристроена галерея и длинная (в полкилометра) горка – то вверх-то вниз со скоростью до пятидесяти километров. Зимой гости катались по ней в санях, а летом – на специальных колясках. Поглядев на макет этого чуда, Василий сразу догадался, почему во всем мире американские горки называют русскими. Потому что они и есть русские – в России придуманы. Хэму макет тоже понравился, и он долго допытывался у экскурсовода, почему не хотят этот чудесный аттракцион восстановить.

А потом, когда культурная программа, которую составила мама и носила с собой распечатанной на листочке, закончилась, Хэм предложил пойти, куда глаза глядят. И они пошли, куда глаза глядят, и натолкнулись на вольер и охранника в будке. В вольере гулял чудесный, невероятный, потря-

сающий олень! Ростом он был невелик – с небольшого пони, но на голове его ветвились огромные рога в метр размахом.

– Мишка! Мишка! – позвал охранник, и олень грациозно побежал к ним.

Мам сорвала несколько крупных ягод шиповника с кустов, что росли неподалеку, и протянула животному. Тот ткнулся мордой в мамину ладонь – ягоды тут же исчезли, как и не было.

– Покорми его! – сказала мама и Василий, замирая от непонятного страха, подставил руку с лежащим на ней шиповником оленю. Губы у оленя были мягкие и бархатистые, и пока он жевал, мальчик протянул другую руку и потрогал дивные рога, которые тоже были покрыты пушком и на ощупь оказались одновременно твердыми и мягкими.

Настала очередь Хэма. Он скормил животному ягоды и очень серьезно посмотрел в его глаза, обрамленные длинными ресницами. Олень и оборотень некоторое время глядели друг на друга, не отрываясь. Василий даже почувствовал, что вот сейчас случится что-то необыкновенное. Но мама, как это часто делают мамы, все испортила. Она деловито посмотрела на часы и сказала:

– Пошли ребята, нам пора обедать.

И они ушли в придорожный ресторанчик есть шашлыки, помидоры и лаваш.

А олень остался в вольере. Это был домашний олень, родившийся в загоне, и никогда не мечтавший о воле, которой не знал. Но в глазах бородатого мужчины он увидел что-то, и затосковал.

Сплетницы

Неизвестно почему с давних пор завелись в петербургских дворах сплетницы. Они сидят на скамейках, вяжут чулки, сосут карамельки, жуют соевые батончики и перебивают кости соседям. Во дворе Петуховых такая скамейка стояла под раскидистым тополем и на ней грозно восседали хранительницы обычаев старины и порядка. Главной, конечно, была Марья Михайловна. Вторая, не намного уступавшая ей в язвительности, старушка всегда приносила с собой огромный мужской коричневый зонт-трость. И светило ли солнце, шел ли дождь, или просто тучки прогуливались по небу, она раскрывала зонт над головой и крепко сжимала его сухой рукой. Звали ее Регина Савельевна. Третья – тихая, незаметная бабушка в платочке Юлия Борисовна – много на скамейке не

болтала. Она все внимательно выслушивала, переваривала и затем разносила сплетню по всем окрестным местам сбора старушек – магазинам, аптекам, поликлиникам и даже церквям.

Вот и в этот теплый августовский вечер троица в полном составе сидит на скамейке и обсуждает. Сперва Ксюшу – длинноногую девицу из третьего подъезда. Она только что прошла мимо них в платье, открывающем стройные бедра чересчур высоко, по мнению старух.

– В наши годы, – говорит Марья Михайловна, видимо от старости подзабывшая ультрамини шестидесятых и семидесятых лет прошлого столетия, – мы никогда бы не стали носить такие платья.

– Коленочки должны быть прикрыты вот посюда – показывает Регина Савельевна.

Юлия Борисовна молча кивает.

Поболтав еще о том – о сём, троица переходит на семью Петуховых. Их очень волнует командировка, в которую уехал папа.

– Знаем мы эти командировки!

И мама Петухова тоже позволяет себе лишнего – разоде-
нется, раскрасится, как на парад, и уезжает куда-то. Куда?
Говорит, что на дачу. Но кто же ездит на дачу в голубом ши-
фоновом платье? Тут что-то нечисто.

Юлия Борисовна молча кивает.

А этот их родственник из Конотопа, который время от
времени неожиданно появляется и так же неожиданно ис-
чезает? Интересно, мадам Петухова проверяла его докумен-
ты? И никакой это не родственник, любому ясно. Это, на-
верное, первая романтическая любовь мамы Петуховых, ко-
торый все никак не может забыть сероглазую девочку с хво-
стиками, за которой носил портфель в девятом классе. И ку-
да только смотрит отец Петуховых? Того и гляди жену ото-
бьют, а он по командировкам шляется!

Юлия Борисовна молча кивает.

Ревность

Василий Петухов никогда так плохо себя не чувствовал.
Хэм нарезает круги вокруг него и призывно гавкает – хочет
играть. А мальчик хочет, чтобы пес стал человеком, и тогда

Василий ему бы вмазал со всей силы. Все потому, что Петухов-младший снова влюблен. Но на этот раз это не приятная тягучая влюбленность с мечтами о том, как он вырастет, покорит ее сердце, и все будет хорошо. На этот раз Василию не посчастливилось.

А дело было так. Василий стоял в очередь в разъездную лавочку за хлебом, маслом и колбасой. Бабушка дала ему пятьсот рублей, и этих денег должно было хватить еще и на шоколадный батончик. Василий стоял под козырьком, который несколько не защищал его от яркого солнца, и тихо мечтал о том, как потом пойдет купаться в местный мелкий пруд. И тут подъехал велосипед, а на велосипеде сидела девушка в странном сарафане. Сарафан был ярко-красный и весь усыпан маленькими рыжими зонтиками и кленовыми листьями. Этот осенний рисунок так не подходил к августовскому знойному полудню, что мальчик было подумал «Вот дура какая!», но тут девушка слезла с велосипеда, и сразу стала видна вся ее стать: необычная узкобедрая фигура с очень прямыми плечами, напоминавшая древнеегипетские рисунки, карие смеющиеся глаза, вздернутый носик и короткая стрижка. У Василия защекотало в горле, когда он увидел, что девушка пошла прямо к нему.

– Привет! – сказала незнакомка. – Это не тебя я видела две недели назад на пруду с красивым парнем? Он еще на

мушкетера похож. Здорово плавает.

– Меня – выдохнул Василий.

– Так ты передай ему, если что, то я живу на третьей линии. – повернулась, села на велосипед и уехала – только стройные ноги замелькали вверх-вниз.

А Василий остался с разбитым сердцем.

Сейчас он стоял во дворе, смотрел на разыгравшегося пса и бессознательно хлопал ладонью себя по бедру. «Красивый!» Ну да, Хэм-человек был красив – мускулистый, поджарый, ловкий. «Похож на мушкетера!» Это все мама – едва оборотень обзавелся штанами и обувью, она записала его в свой салон к какому-то необыкновенному мастеру, который подстриг Хэму бороду и волосы, так что они больше не торчали во все стороны, а аккуратными локонами спадали вниз (Хэм был кудрявый, а женщины любят кудрявых). Кроме того, мама купила специальный шампунь и велела оборотню всегда сразу после превращения мыть им бороду и усы. «А то, – полушутливо-полусерьезно говорила она, – заведутся у тебя блошки». «Блох у оборотней не бывает» – авторитетно возразил Хэм, но бороду и усы старательно мыл.

И вот теперь из-за этой глупой бородки, и вправду похо-

жей на мушкетерскую, прекрасная Вика никогда не обратит внимания на Василия. Даже когда он вырастет и станет главным конструктором подводных лодок!

И Василий даже не мог сказать, что виноват Хэм. Хэм просто попался на глаза влюбчивой девчонке со своим мускулистым торсом и оригинальной стрижкой. Но мальчику от этого ничуть не легче. Ну, вот ни капельки.

Куры-дуры

Соседка по даче в июне купила на рынке десяток цыплят. И вот теперь, в конце лета, у нее по двору степенно гуляют белые довольные курицы. Впрочем, есть помеха их степенному гулянию. Хэм-собака, когда ему удастся удрать с собственного двора и пробраться в соседний, ловко перепрыгнув невысокий забор, начинает гонять птиц, неистово щелкая зубастой пастью и даже иногда прихватывая пару перьев из их хвостов.

Уже мадам Петухова делала Хэму строгие внушения после бурных встреч с соседкой. Уже мама угрожала посадить его во дворе на цепь в будку, когда папа вернется со своих курсов и обязательно построит собачий дом. Уже Василий уговаривал пса по-хорошему, сидя с ним на крылечке

вечерами. Ничего не действовало. Одна оставалась надежда – воззвать к разуму оборотня в полнолуние.

И вот эта ночь наступила. Хэм и Василий сидят на веранде и разговаривают. Перед Хэмом – огромная тарелка с пельменями. Хэм ест и не соглашается с Василием.

– Куриц надо гонять, – говорит он.

– Ну почему? – горячиться мальчик.

– Потому что дуры.

Конечно, курица – не самая умная птица. Но от чего оборотень так взъелся именно на нее?

– Ну, вот представь себе. Когда-то они жили под вольным небом, летали по этому небу... Ты представляешь – летали! Расправляли крылья и парили над землей. Взмывали вверх и камнем падали вниз. И променяли все это на тесный сарай и дармовой корм, который достается без труда. А в конце им еще отрубят голову и пустят на какой-нибудь суп или чахохбили. Ну, не дуры ли?

Василий вздыхает.

– А тебе тоже не нравится жить с людьми? – спрашивает он осторожно.

– Собаки – другое дело, – отвечает Хэм.

– Я слышал, что корейцы и китайцы едят и собак.

– Едят, – спокойно говорит оборотень, – людям вообще свойственно есть тех, кого они любят, – и продолжает беспечно рубать пельмени.

Этого Василий понять никак не может. Как можно остаться таким спокойным, если ты в следующей жизни можешь оказаться собакой, выращиваемой на убой в каком-нибудь Сеульском ресторане?

Но Хэму, похоже, все равно. И через три дня, снова став псом, он будет гонять кур-дур по соседскому двору.

Несправедливость

– Нет, мир несправедлив, – говорила безымянная кошка, – Иначе почему тогда у доброй милой Кондратьевны два внука-оболтуса, которые навещают ее, только когда им не хватает денег на покупку очередного гаджета, а у противной

Марьи Михайловны – такая милая Дашка?

Дашка – это старшая внучка дворовой ведьмы. Ей девятнадцать лет, она всегда улыбается и вечно чем-то занята. То пишет курсовик (Дашка учится на редкую профессию – геолога), то ходит в поход, то устраивает экскурсии для иностранцев, а сегодня вечером печет пышки. Не просто так печет – завтра в Питере ресторанный день. Любой желающий может открыть торговлю. Дашка договорилась с клубом на Лиговке, чтобы далеко не тащиться, и пришла к Марье Михайловне с огромной сумкой-тележкой, забитой молоком, мукой, яйцами, дрожжами, сахаром и специями. И вот сейчас печет пышки: с шоколадной глазурью, с ванильной глазурью, просто с сахарной пудрой и с заварным кремом.

Безымянная кошка жмурит глаза и представляет, как завтра все произойдет. Дашка с раннего утра нагрузит свою сумку-тележку пышками и покатит по выложенному кирпичиками проспекту к клубу. В клубе ее проведут в барную комнату, выделяют пару круглых столиков и розетку. Дашка накроет столики бумажными скатертями и выложит подносы с аппетитной выпечкой. В розетку вставит чайник, вскипятит воды и заварит чаю с чабрецом. Потянутся первые любопытные, будут покупать пышки и запивать чаем. И так это будет забавно и непривычно: полутемный бар с поблескивающими

бутылками и бокалами, а рядом с ним – улыбчивая румяная Дашка, угощающая знакомых и незнакомых людей.

Нет, безымянная кошка, справедливость на свете все же есть. Только какая-то странная справедливость. И по ее законам потомком ведьмы может иногда оказаться самая настоящая фея.

Серебро

Дачный сезон закончен. Петуховы вернулись домой. И даже папа наконец-то вернулся домой со своих бесконечных курсов. Но вернулся, как выяснилось, не навсегда – у него еще экзамен в октябре, и опять придется ехать в Москву. Может, поэтому мама ходит такая грустная?

А может, потому, что Василий снова пошел в школу, теперь уже в среднюю, и на маму навалилась куча забот. Прежде у мальчика была одна учительница – Галина Васильевна, и мама ее хорошо знала. А теперь много новых, и у всех свои требования, и нагрузка возросла, так что родители подумывают, не отказаться ли от балльных танцев. Василий и рад бы отказаться, но мама почему-то считает, что танцы очень способствуют развитию.

– Мама хочет, чтобы ты вырос галантным кавалером, – объясняет Хэм. Он вертит в руках ирландский трилистник на цепочке. Уже давно вертит – с тех самых пор, как мама сняла украшение и положила на полочку рядом с часами. Это мамина любимая висюлька – память о стажировке в Великобритании, где мама жила целых полгода тогда, когда Василия даже в мыслях у нее не было.

И вдруг мальчик вздрагивает: цепочка-то серебряная!

– Тебе не больно? Не жжется? – спрашивает он Хэма.

– Нет, просто тепло. Это Оксанино тепло, – оборотень впервые называет маму по имени.

Может, подделка?

– Ведь это же серебро! Оно убивает оборотней, тебе должно быть больно.

Хэм улыбается.

– Свинец и сталь убивают людей. А на ощупь они просто металлы. И это – просто металл.

Мама странно всхлипывает, подходит к Хэму и неловко

забирает цепочку у него из рук. При этом мамины плечи сильно вздрагивают. Наверное, ей тоже стало страшно, что оборотень обожжется о серебро.

– Да, – говорит Хэм неожиданно. – После 23 сентября не время носить белые туфли.

– Что? – не понимает мама.

– Это так профессор говорил. Английский этикет, – поясняет оборотень и уходит в комнату Василия.

Мальчик ничего не понимает. До 23 сентября еще есть время, да и мама белых туфель не носит. Что-то странное происходит в доме Петуховых. Непонятное что-то.

Черным по черному

Владелец полузакрытых заведений для взыскательной публики господин Владис удовлетворенно рассматривал на экране своего макбука последние фотографии. Лицо изображенного на них мужчины было невеселым и задумчивым. Шедший рядом с ним мальчик тоже выглядел встревоженным. «Рано или поздно, – думал господин Владис, – к ним это приходит. Понимание того, что они чужие в этой жиз-

ни. И тогда у них остается единственный выход» Владелец клубов закрыл глаза и позвал. Не ртом позвал, не голосом, а всей своей древней могучей силой. И его зов услышали. И на его зов откликнулись. Он удовлетворенно улыбнулся, снял трубку со старинного телефона, стоявшего на письменном столе, и сказал:

– Машину к подъезду.

Было октябрьское полнолуние, был вечер, уже стемнело. Вернувшемуся после тренировки Василию вовсе не хотелось гулять. Ему хотелось спокойно съесть свой ужин, приготовленный заботливой бабушкой, и полазить в интернете. Но когда Хэм подошел, потерянный, грустный, и предложил погулять, мальчик не мог отказать. Друзей в беде не бросают. А оборотень, непонятно почему, в человеческом обличи последние три месяца становился все несчастней и несчастней. Василию даже казалось, что и собака – Хэм уже не так задорно бежит за брошенной палкой и терзает зубами мячик. Понятное дело, Василий не мог просто так пойти гулять, когда за окном уже темно. Он спросил разрешения у бабушки, хитро сказав, что ему нужно хоть немного подышать свежим воздухом.

Мадам Петухова, у которой самой весь день в голове был какой-то туман, согласилась, и вскоре вся троица бесцельно

прогуливалась вдоль Обводного канала, обсуждая – как будто других тем не было – успехи Василия на поприще русского языка и литературы.

Внезапно рядом с ними притормозила большая черная машина, и приятный голос окликнул Хэма:

– Молодой человек? Вы не можете мне разобраться?

Оборотень подошел к пассажиру и разговаривал с ним минуты две. Потом вернулся, что-то пряча в нагрудный карман куртки. Василий только мельком увидел в окне рукав пальто, почему-то песочного цвета, какой, по его мнению, никак не должен был носить представитель сильного пола. Вот и все. Больше никаких происшествий в тот вечер не случилось.

Василий уже лег в постель, а Хэм все вертел в руках какую-то темную карточку, разглядывая ее при лунном свете.

– Что там? – сонно спросил мальчик.

– Адрес и приглашение, – ответил оборотень.

– Она же черная. Как на ней может быть что-то написано?

– Вот так и написано. Черным по черному.

Мальчик вылез из теплой кровати, включил лампу и подошел к Хэму. У мужчины в руках была визитка, на лаковой черноте которой багровыми буквами было начертано: «Владис. Клуб «Стригой» и больше ничего.

Первый снег

Свет фонарей двоился и троился, отражаясь в тонком льду, которым были покрыты тротуары. Василий Петухов тащился, шаркая ногами, рядом с бабушкой.

– Не шаркай! – в который раз выговаривала ему мадам Петухова, – это неприлично!

Василий на некоторое время переходил на бодрый шаг, а потом снова начинал елозить ногами по соблазнительно скользкому асфальту. День с утра не задался. Папа приехал рано утром из аэропорта и не застал маму, которая работала в утреннюю смену. Он погрустнел, задал пару вопросов Василию, как-то странно покосился на Хэма, который, как обычно, без рубахи сидел на кухне и уплетал вторую тарелку овсянки. Рядом дожидались своей очереди два яйца всмятку. Папа есть не стал, а сразу пошел спать. В школе Васи-

лий схватил тройбана по испанскому языку, на дополнительных занятиях по математике не смог построить график гиперболы, а на тренировке чуть не вывихнул кисть руки, отчаянно маша ракеткой. Мадам Петухова тоже была не в духе. Об этом свидетельствовала некрасиво выбившаяся из-под шляпки прядь волос, которую в другое время бабушка долго бы кокетливо укладывала на бок. Погода тоже не радовала: все небо затянули клочковатые серые тучи, и не было видно ни звезд, ни луны.

Василий мечтал, как придет домой, поговорит с Хэмом и сразу станет легче. Но дома легче не стало. В прихожей, стягивая куртку, мальчик услышал сердитые голоса из кухни – мама и папа бранились. Изредка их прерывал успокаивающий голос Хэма, но тут же взвизывался нервный баритон отца или обвиняющее сопрано матери. Мадам Петухова озабоченно на цыпочках подошла к двери кухни. За ней последовал Василий.

– И я еще тебя не спрашиваю, какого черта ты забыл в Москве! – это мама.

– Да, пока я там вкалываю, чтобы получить повышение, ты тут с этим! – это папа

– Да я ничего и не думал, – это Хэм.

– Не думал он! Так чего ж ты тут ходишь вокруг и смотришь на нее такими щенячьими глазами? – снова папа.

Мадам Петухова едва успела отскочить от двери, как она распахнулась, и Хэм вылетел в прихожую. Не говоря ни слова, оборотень схватил куртку, сунул ноги в кроссовки и выскочил из квартиры.

Василий переглянулся с бабушкой. В ее обеспокоенном взгляде он прочитал то же, о чем думал сам: Хэм уходит навсегда. Они разом бросились к окну. Через минуту к ним присоединились родители. Хлопнула дверь подъезда – они вздрогнули – нет, это Кондратьевна зачем-то вышла на улицу. Посмотрела на небо, потеряла сухонькие ладошки, и первая снежинка приземлилась на подоконник. Пошел снег. И под этот снег вышел из подъезда Хэм, на ходу натягивая капюшон куртки. Подошел к фонарю, достал из кармана черный прямоугольник и принялся его разглядывать. «Владис. «Клуб Стригой» – вспомнил Василий, и вдруг увидел...

... Большой обеденный зал. Длинный стол в центре, вокруг которого сидят странные люди неопределенного возраста – молодые и старые одновременно. Стол уставлен чистыми тарелками, пустыми бокалами, вилки и ножи блестят, как только что начищенные. Во главе стола сидит сам хозя-

ин клуба, в бордовой бархатной куртке. В ногах стола двое здоровенных поваров, перед каждым – горящая жаровня, на жаровне решетка, в руках у поваров огромные ножи и двузубые вилки. И все – и гости, и хозяин, и повара – выжидательно смотрят на двойные двери. Сейчас что-то внесут. Предвкушающие улыбки, красные губы, ощеренные рты с белыми ровными зубами...

Василию стало так страшно, как никогда не было в жизни. Он зажмурился и почувствовал, что кто-то сжимает его руку. Оглянулся – это была мама. Бледная, напуганная. Мадам Петухова, так и не снявшая пальто и шляпку, пристально всматривалась в улицу. Отец тяжело дышал. «Они все видели это!» – в ужасе подумал мальчик и снова посмотрел в окно, отыскивая Хэма.

А рядом с Хэмом стояла сухонькая наивная Кондратьевна и что-то ему говорила. Вдруг оборотень поднял голову и взглянул в окно Петуховых. Потом отбросил черную карточку и зашагал к подъезду. Семья Петуховых ринулась к входной двери.

Полночные разговоры

Семья Петуховых ринулась ко входной двери, мама дро-

жащими руками отперла замки, отворила дверь, и все стали чутко прислушиваться к шагам на лестничной клетке и скрипу лифта.

Так что никто не остался у окна, и некому было увидеть, как Кондратьевна, приговаривая что-то под нос, медленно наклонилась и подобрала черную карточку. Стряхнула с нее налипшие снежинки, отвела руку подальше и при свете фонаря рассмотрела, потом засунула в задний карман своей кошелки и засемила к подъезду.

А тем временем смущенные Петуховы уже приняли не менее смущенного Хэма в свои объятия, провели на кухню, настрогали бутербродов, заварили свежего чая и принялись сбивчиво извиняться. Хэм в ответ тоже извинялся, глотая слова вместе с бутербродами. Мадам Петухова вспомнила, что Василий еще не ужинал, охнула и тут же наложила ему целую тарелку слегка остывших, но тем не менее очень вкусных голубцов в томате. Хэм взглянул на голубцы, сглотнул слюну и старательно отвел глаза в сторону от мадам Петуховой. Он напрасно это сделал, потому что взгляд его тут же уперся в настойчивый и непоколебимый взгляд мамы, в котором отражалась вся твердость дипломированных врачей-стоматологов. Заметивший это Василий уже ожидал града вопросов, но мама пока молчала. С иезуитской щедростью она приготовила вторую тарелку голубцов и поставила ее пе-

ред Хэмом, дождалась, пока он, сам не свой от тревоги, откусит чересчур большой кусок, и только после этого спросила:

– Скажи-ка, пожалуйста, а к чему и почему были все эти твои грустные глаза последние два месяца.

Хэм поперхнулся. На его месте Василий бы, наверное, принялся отнекиваться и густо краснеть. Но Хэм был уже взрослым мужчиной, и умел владеть собой. Видимо, поэтому он немедленно запихал себе в рот остаток голубца, закусил хлебом, все тщательно пережевал, проглотил, а потом сказал:

– Ну да, я влюбился.

– В кого? – хором спросили Василий, мама и мадам Петухова.

– В Дашу, внучку Марьи Михайловны, – сознался Хэм.

– А она знает?

– Откуда? Я ей не говорил. Да я вообще с ней почти не разговаривал. Так – «здрасьте», «до свиданья».

– Это ничего не значит, – резюмировала мама. – Мы, жен-

щины, такое чувствуем сердцем.

– Только вы ей ничего не говорите, – перепугался Хэм, – сами понимаете, ничего у нас не выйдет. Как девушка может встречаться с мужчиной, который двадцать восемь дней в месяц – собака?

Да, трудное дело. Василий вздохнул. Но с другой стороны, разве не было в истории примеров, когда жены ждали рыцарей из походов годами и даже десятилетиями? А тут всего четыре недели подождать. И мальчик решил про себя рассказать все Даше и посмотреть на ее реакцию.

Трудное дело

Казалось бы, Василий Петухов крепко понимал, что такое трудное дело. Трудное дело – это читать перед всем классом какое-нибудь зубодробительное стихотворение на счет того, что «пчела за данью полевой летит из кельи восковой». Трудное дело – бежать эстафету наперегонки с командой а-шек, когда огненный шар подкатывает к самому горлу и глаза заливают потом. Трудное дело – стоять перед мамой и мямлить что-то, когда получил по контрольной тройку. Но, оказывается, рассказать Дашке про любовь Хэма – дело наитруднейшее. Василий еще никогда никому не признавался в любви,

кроме родственников. А тут вдруг с бухты-барухты сказать улыбчивой Дашке, что твой дальний родственник из Конотопа от нее без ума. Поэтому Василий готовился долго и основательно. Он старательно записал все в тетрадку, несколько раз прорепетировал все перед зеркалом, пока не подозревавший о предательстве пес-Хэм вился у его ног и подставлял под руку лохматую башку и спину, и, наконец, мальчик решил, что готов.

Дашка нередко по вечерам забегала к Марье Михайловне и приносила с собой пирожки, яблоки или колбасу. С чего она взяла, что вредная старуха недоедает, было абсолютно непонятно Василию. Но частые дашины посещения были весьма на руку мальчику. Оставалось только дожидаться во дворе ее появления.

Зима в этом году вышла дружная и снежная. Хэм весело прыгал и купался в сугробах, а Василий напряженно вглядывался во входную арку, изредка бросая псу палку. Наконец показалась Дашка. Как всегда быстрая, ловкая, аккуратная в своем малиновом пуховике с сумкой-лапшой через плечо. Василий оглянулся на мадам Петухову. Та безмятежно следила за кувырками Хэма. Мальчик вздохнул и пошел навстречу девушке.

– Добрый вечер, – от волнения голос сел и казался гру-

бым. – Я Василий Петухов.

– Я тебя знаю. – отвечала Даша, – ты тут гуляешь со смешным рыжим псом.

– Да, – Василий чувствовал, что уши и щеки горят, как после долгой игры в снежки. – А еще с родственником мамы из Конотопа.

– А, это такой красивый мужчина с бородкой? Он что, художник? – оказывается, Дашка обращала внимание на Хэма.

– Немного, – улонился от ответа Василий и сразу бухнул: – Ну, в общем, это... В общем, он Вас любит.

Дашка серьезно поглядела на мальчика:

– Ты так не шути.

– Правда, любит! Только он очень стеснительный, и думает, что у вас ничего не получится.

– Потому что он из Конотопа?

– Ну да. Он – там, Вы – здесь. Он только на три дня в месяц приезжать может. Но он Вас очень сильно любит, прав-

да, правда! – уши горели все нестерпимей.

– Если любит, пусть скажет сам. Или хотя бы смс-ку напишет. – Дашка достала блокнот и черкнула что-то на листочке маленьким икеевским карандашом. – Вот мой номер. – и побежала себе дальше.

Такой удачи Василий никак не ожидал. Но одновременно он понял очень важную вещь: у Хэма не было мобильного. Перед мальчиком встала новая задача.

Еще одно трудное дело

Каждый пятиклассник, живущий в городе на Неве знает, что можно приобрести сим-карту для мобильного телефона и приобрести ее можно на станции метро «Купчино» в маленькой будочке, в которой стоит или прыщавый парень с длинными сальными волосами или толстая тетка неопределенных лет в плюшевой жилетке. Знал это и Василий Петухов. Пару-тройку дней без обеда, мороженого и шоколадок, на которые мама ежедневно выдавала ему сто рублей, и деньги были скоплены. Но как попасть на далекую и таинственную станцию «Купчино», когда весь день у пятиклассника расписан по минутам? Но Василий Петухов бывал иногда коварен. В четверг, в три часа, он ходил на балльные тан-

цы, занятия проходили в малом спортивном зале его школы. А через два часа за ним приходила бабушка и вела разгоряченного различными па мальчика домой ужинать. В паре с Василием обычно танцевала его одноклассница Ольга Шипунова, которая была его на голову выше, ужасно того стеснялась и предпочитала занятия у станка. С ней договориться было легче-легкого.

Итак, Василий улизнул с танцев, а Ольга Шипунова довольно бойко рассказала тренеру страшную историю о том, как Василий съел немытое яблоко, и ему скрутило живот. А мальчик в это время смотался в Купчино, купил симку и вернулся, красный и довольный к школе как раз вовремя, чтобы броситься к бабушке и поскорее увести ее, не попавшись на глаза тоненькой, но грозной в гневе тренерше Ларисе. Был, правда, в плане Василия один предательский момент – а ну, как мадам Петухова, преисполнившись бабушкинскими чувствами, захотела бы прийти на занятия и полюбоваться, как внук танцует вальс, польку и танго? И она почти пошла, но по чистой случайности, по телевизору стали показывать интересное шоу о многодетной семье, так что мадам Петухова осталась дома.

Да, случайности правят миром. Помните об этом, ребята, когда затеете очередную шалость!

Наитруднейшее дело

Нет, все совсем не так, как ты подумал, пытливый читатель. Самым трудным было не достать телефон. По правде сказать, у папы была вредная привычка – он никуда не выбрасывал старые мобильники и зарядки, а хранил их все в коробке из-под утюга в нижнем ящике комода. Так что Василий просто достал оттуда трубку, зарядил ее, вставил симку и тут-то и настало самое трудное.

То есть сначала было не слишком трудно. Василий бойко набрал сообщение.

«Привет, я Хэм! Я тебя люблю», пришпандорил смайлик с цветочком и послал.

Но через пять минут телефон запищал – это ответила Даша. Ее ответ вывел мальчика из равновесия.

«Почему?» – написала кокетка.

Василий задумался. Почему Хэм любит Дашу он, конечно, не знал, а спросить было некого, хотя бессловесный пес и вился около его ног. Тогда Василий напрягся и стал вспоминать, почему влюблялся он. С трудом подбирая слова пя-

тикласник написал:

«Потому что ты такая, какая есть»

Телефон на минуту задумался, а потом чирикнул ответ:

«А какая я есть?»»

Василий на Дашку особо не заглядывался и потому помнил о ней только то, что девушка все время улыбается. «Как дура,» – решил пятиклассник. Но вряд ли влюбленный Хэм думал так же. Василий шмыгнул носом, потер в затылке и тут его озарило:

«Ты вся, как твоя улыбка!» – написал он и напряженно стал ждать ответа.

Но Даша в тот день больше ничего не написала.

Вот так Василий и узнал, что такое вдохновение. Он вдохновенно врал Дашке, что у него хронический ларингит, и поэтому он не может говорить, иначе, как шепотом, что работает на секретном институте по производству жутких таинственных приборов, что в свободное время пишет картины, а особенно – портреты, что он с удовольствием нарисует и Дашу, когда в следующий раз приедет в Питер. В общем, у Ва-

силія обнаружился неиссякаемый талант вранья. И, конечно, он ни разу не задумался, что расхлебывать все это придется бедному Хэму.

Самая короткая ночь в году

Господин Владис был зол. Начальник службы безопасности доложил ему, что чертов оборотень влюблен, и влюблен счастливо. Все вечера, пока он был в человеческом облике в декабре, он проводил с некой Дарьей Прохоровой, студенткой Горного университета двадцати лет от роду. Они гуляли, играли в снежки, ходили в кино и один раз в театр, и один раз обнялись на прощанье.

– Откуда он берет деньги, чтобы ухаживать за этой девицей! – возмущался господин Владис, – неужели эти безмозглые Петуховы поощряют его увлечение!

Да, владелец элитных клубов был невероятно зол. У него сорвалось одно из его эксклюзивных мероприятий, а ведь он успел уже намекнуть некоторым из завсегдатаев, что готовит им чрезвычайно аппетитный сюрприз.

Но господин Владис был не из тех, кто прощает обиды. Он подошел к окну и задумался. Над городом царила ночь,

самая длинная ночь в году. Убывающая луна испускала медленное, тягучее сияние, то и дело скрываясь за клочковитыми тучами. Венера, эта холодная планета, покровительница любви и сверхъестественного, тоже появлялась иногда, вселя надежду на удачное завершение дела.

Мечь – это блюдо, которое подают холодным. А если его затея завершится удачно, то он, пожалуй, еще сможет порадовать своих гостей необычным деликатесом!

Умелые руки

Хрусть! Четвертый за полчаса карандаш ломался в руке Хэма. А портрет Даши, тот самый портрет, который так опрометчиво пообещал ей талантливый враль Василий, не удавался. Мало сказать, не удавался. То, что с трудом рисовал оборотень на листе бумаги, точнее всего передавали слова «каляка-маляка». Хэм категорически не умел рисовать. Василий и рад был ему помочь, но сам продвинулся в искусстве живописи немногим дальше – мог довольно сносно скопировать с плаката трансформера, но динозавра нарисовать уже бы не смог, не то что живую, смеющуюся девушку.

– И ведь главное, – возмущался Хэм, – как закрою глаза, так ясно ее вижу!

Было уже второе полнолуние с тех пор, как Василий решительно взял в свои руки судьбу друга. До сих пор оборотню удавалось успешно лавировать между бастионами лжи, которые возвел мальчик. В городе Конотопе внезапно обнаружился жутко вредный химический завод, от испарений которого Хэм немедленно терял голос и не мог звонить Даше. А секретная служба в его научном институте запрещала сотрудникам заводить электронную почту и вообще пользоваться интернетом. Поэтому почти весь месяц они общались исключительно смс-ками. Но вот портрет же нарисовать он обещал! И вот уже второй месяц обманывал Дашу. Оборотню было ужасно стыдно.

За ужином он даже не притронулся к мясу с картошкой, нагреб к тарелке несколько кусков хлеба, обгрыз все корки и в волнении жамкал мякиш сильными руками. Сердобольная мадам Петухова, мама и даже папа тщетно пытались его успокоить. И только Василий заметил, что мякиш в нервных руках Хэма превращается то в подобие чайника, то в слоника, то в фигурку стройного ушастого существа, в котором явно угадывался эльф.

Мальчика осенило.

– А ты ее слепи! – заорал он в озарении так громко, что

вся семья вздрогнула.

– Слепи ее из снега!

До полуночи Хэм возился во дворе, у огромной кучи снега, которую нагребла посреди двора опытная дворничиха Физула. Он провозился бы и дольше, но полнолуние заканчивалось ровно в ноль часов пять минут. У него только хватило времени добежать до своего коврика и скинуть одежду.

Наутро Марья Михайловна вышла во двор посмотреть, чего там собралась толпа, на что глазают. И увидела вылепленное в куче снега лицо своей внучки Дашки. Никаких сомнений – это были знакомые смеющиеся глаза, знакомый вздернутый нос, и знакомая улыбка. Марья Михайловна хотела было сплюнуть, засучить рукава, взять лопату и сравнять все это художество к чертям, но тут заметила в толпе довольную Дашку. И хоть старуха и была ведьмой, она также была и бабушкой. А для любой бабушки наивысшая радость – видеть свою внучку счастливой.

Пропажа

«Завтра вечером увидимся!» – прочитала Дашка конец смски и улыбнулась – Хэм возвращался в Питер. Вокруг сто-

ял солнечный январский денек, почти все экзамены и зачеты были сданы досрочно, и впереди было почти три недели каникул.

– Девушка, вы не поможете мне? – приятный мужчина вышел из большой черной машины и протягивал ей какую-то блестящую штучку. Монетку, что ли? Монетка вдруг завертелась в ловких пальцах незнакомца и Даша почувствовала, что в глазах у нее темнеет.

– Где он? – в квартиру Петуховых ворвалась разъяренная Марья Михайловна. – где этот конотопский проходимец?

– Он не приехал еще. Да что случилось, – встревожено спросила мадам Петухова.

– Дашка пропала. Вчера домой не вернулась. Подруги говорят, экзамен сдала и собиралась ко мне заехать. Но не доехала. В милиции заявление не берут, говорят, дело молодое, загуляла. А я чувствую – что-то плохое случилось. – Марья Михайловна тяжело опустилась на банкетку в прихожей и заплакала.

Хэм третий день мотался по городу, тщетно выискивая хотя бы слабый намек на запах Даши. К Петуховым он возвращался пару раз вздремнуть по полчаса и опять убегал.

Когда надо, оборотни бывают очень выносливыми. Он блуждал в районе Апраксина переулка, в тех местах, где во множестве обитают странные личности, где водятся странные магазины и полуподпольные клубы. Пару раз ему показалось, что он уловил характерный аромат девушки, но здесь слишком густо пахло куревом, духами, разгоряченной кожей тысяч людей и крысами. Вдруг он остановился перед единственным в квартале отремонтированным домом, именно оттуда слабо-слабо пахло Дашей. Пахло так, как будто где-то там, в глубине, спала его девушка.

В изящной бронзовой рамке рядом с надежной железной дверью висело объявление. «Сегодня вечером в клубе закрытое мероприятие. Вход только по личному приглашению владельца». Хэм поднял глаза и прочитал название клуба: «Убыр».

Разные события, происходившие почти в одно время

Чем ближе к развязке, тем труднее описывать события. Может быть, потому, что под конец они завертелись в бешеном ритме и завертелись сразу в нескольких местах? Хотя для Хэма пока ничего не вертится. Хэма пока мерзнет в переулке, ожидая, когда появится кто-то из гостей, дверь рас-

кроется, и можно будет точно судить, там ли его девушка, или нет.

А вот в семье Петуховых бедлам. Забыты и математика, и теннис, и бальные танцы. Мама взяла отгулы. Папа пока на работе, но о работе не думает, думает о пропавшей Даше и сбежавшем Хэме. Первый и второй день Петуховы просто сидели, как на иголках, бросались к двери, когда слышали шаги на лестнице и пытались удержать дома залетавшего на недолгий отдых Хэма. На третий день Василий собственноручно зарядил мобильник, к которому оборотень так и не привык, и положил ему в карман со словами:

– Потребуется помощь – сообщи.

И вот теперь, в промерзшем переулке Хэм вспомнил о словах мальчика и отбил смску:

«Похоже, Даша в клубе у Владиса».

Василий, получив сообщение, тут же бросился к компьютеру. Клуб «Стригой», вспомнил он, и, на удивление быстро нашел. Пробежал глазами рекламную строку. Взыскательная публика, необычные вечеринки, кулинарные изыски... Ага, вот и адрес: совсем недалеко, на Лиговке, только поближе к Московскому вокзалу.

Мадам Петухова встала грудью и заявила: «Не пушу!». И ведь, действительно, не пустит. Но Хэму помочь надо! Как же ему помочь?

Между тем, мадам Петухова действовала: отобрала у Василия ключи, заперла дверь на все замки, в том числе на самый надежный, открывавшийся только длинным бороздчатым крюком. Потом порылась в пухлой записной книжке, нашла номер и позвонила. Звонила она Марье Михайловне. Хотя и не любила она вредную ровесницу за острый язык и неприятный характер, но пропажа внучки – дело серьезное. Надо предупредить. Марья Михайловна не стала задавать лишних вопросов, даже не дознавалась, откуда взята информация – записала адрес, схватила баллончик с перцовым газом, сумку, надела впопыхах дубленку с огромным капюшоном и выбежала на улицу.

На улице прямо посреди дороги стояла Кондратьевна и кормила голубей пшеном. Не успела налетевшая на нее Марья Михайловна высказать свое недовольство, как добрая старуха подхватила ее под локоть и сказала тихим голосом:

– погоди, не ругайся. Я тебе пригожусь.

И столько уверенности и силы было в этом тихом голосе,

что Марья Михайловна ей поверила. И взяла с собой.

А Хэм в это время все стоял в переулке. В глубине здания дюжий охранник докладывал начальству:

– Стоит уже второй час, не двигается. Смотрит на дверь.

– Хозяин в курсе, – отвечал начальник охраны – мужчина с неприятной улыбкой, – говорит, пусть стоит.

Две силы

Марья Михайловна была готова высадить дверь, несмотря на то, что это была настоящая цельнолистовая стальная дверь. Старуха с ненавистью смотрела в решетчатое окошко за которым виднелось спокойное лицо невозмутимого охранника. Мужчина снова начал втолковывать, что сегодня, как впрочем и всегда, клуб «Стригой» начнет работу ровно в 12 ночи. Вот тогда и приходите, хотя, наверняка, вас сюда не пустят, потому что для посетителей клуба установлен строгий дресс-код.

– Да вы меня не знаете! – кипятилась Марья Михайловна, – Я вызову ОМОН, группу Альфа и санэпидемстанцию! От вас мокрого места не останется. – Вполне возможно, что

у ведьмы получилось бы осуществить свои угрозы, но в дело вмешалась Кондратьевна. Отстранив товарку, она поправила шерстяной платочек, ловко сидевший на голове, и сказала мягко:

– Все стоишь сынок? Все караулишь? Оголодал, небось. А вот, не хочешь ли сухарика сдобного? С маком? – и достала из своей кошелки полиэтиленовый пакетик, в котором лежала кучка сдобных золотистых сухариков собственного, естественно, приготовления.

И тяжелая цельнолистовая стальная дверь открылась. Из нее вышел мужчина в темно-сером костюме и доверчиво протянул Кондратьевне широкую ладонь. Та щедро отсыпала сухариков. Некоторое время раздавалось только чавканье. Марья Михайловна напряженно ждала, готовая ринуться внутрь

– Вкусно, – с набитым ртом сказал охранник.

– Видишь ли, сынок, – принялась споро врать Кондратьевна, – нас сам хозяин пригласил. Говорит, будет это... Ну, которое для непростой публики.

Охранник задумался. Старухи не были похожи на обычных гостей хозяина. С другой стороны, каких только су-

ществ не повидал он за свою трехлетнюю службу в клубе. К тому же мероприятие для непростой публики действительно должно было состояться, вернее, уже вот-вот должно было начаться.

– Так это в другом клубе. – наконец, решился он сказать, – в «Убыре», на Апраксине дворе.

Кондратьевна достала малюсенький блокнотик, огрызок цветного синего карандаша и записала адрес.

На площадь как раз выворачивал автобус, который должен был довести их почти до места.

Хэм наблюдал, как уже двадцатая пара гостей заходила в дверь. У мужчин из-под дорогих пальто верблюжьей шерсти виднелись строгие костюмные брюки. Дамы кутались в меха, наброшенные поверх вечерних платьев. В их ушах мерцали капельками драгоценные камни, все больше рубины и бриллианты. Публика была оживлена, а в глазах посетителей Хэм заметил одинаково голодный, предвкушающий блеск. Все это жутко ему не нравилось.

Каждый раз, как дверь открывалась, до него доносился слабый, почти перекрытый ароматами соусов и специй, запах Даши. Но оборотень все не решался войти.

Наконец поток гостей иссяк. Что делать дальше, Хэм не знал. Но тут сквозь распахнутую форточку на лестнице второго этажа вырвалось облачко теплого воздуха, остро и знакомо пахнувшего любимой.

Хэм с одного удара вышиб входную дверь и смел охранника.

На чужом пиру

– Давайте заглянем глубоко внутрь себя, друзья, и спросим: "О чем мы больше всего жалеем? Что бы мы хотели вернуть, несмотря ни на какие трудности?" – Владис обвел взглядом гостей, сидевших за длинным столом. Он не торопился продолжать. Он вглядывался в нетерпеливые лица, ловил умоляющие взгляды, скользил глазами по столу с блестящими в ярком электрическом свете приборами, по поварам, недвижно стоявшим у своих жаровен, по их ножам и лопаткам, и, наконец, по сервировочному столу необыкновенно больших размеров, где среди искусно вырезанных ананасов, яблок и гранатов лежала обнаженная недвижная девушка. – "Чего мы жаждем, что ставим превыше всего?" И если мы будем честны с собой, друзья мои, а с кем же еще стоит быть честным, как ни с собой, мы ответим: моло-

дость. Но жалеем ли мы только о том, что теряем крепость мышц и упругость кожи? О нет! Тем более, что многим из вас, как и мне, не знакомо увядание. Прежде всего, мы грустим о пропавшей свежести восприятия, об утраченной яркости чувств, о том взрыве эмоций, который нам уже не пережить никогда...

По залу пронесся вздох.

– Но я собрал вас здесь не для того, чтобы грустить об ушедшем. В моих силах вернуть потерянное и дать вам вновь вкусить всю силу переживаний, присущую молодости. Юная девушка, в пору первой любви, полная еще не осуществленных желаний... Кровь ее насыщена божественным чувством, и даже маленький кусочек этой плоти способен возродить утраченные...

Тут красноречивый Владис был прерван самым грубым образом. В зал вломился Хэм, которого тщетно пытались остановить начальник охраны и еще один дюжий парень. На помощь им бросились повара, ловко вращая ножами, но оборотня было не сдержать: несколькими точными ударами он уложил всех четверых и тяжело дыша кинулся к Даше. Та продолжала лежать недвижно, скованная гипнозом.

Владис, надо сказать, не ожидал, что Хэм окажется так

силен. И если в первоначальные планы его входило захватить также и оборотня, и устроить своим гостям очередной изысканный ужин, сейчас он передумал. Владелец клубов зарычал, обнажив далеко выдвинувшиеся вперед клыки, одним прыжком перемахнул весь длинный стол и схватил Хэма когтистой рукой за горло. Оборотень ответил мощным ударом под ребра, высвободился и отскочил в сторону. Гости наблюдали за схваткой так отстраненно, словно это было еще одной забавой, предложенной им затейником-хозяином. Пару минут казалось, что наш герой вот-вот победит, но вдруг он задрожал и покачнулся.

– Полнолуние истекло! – победно вскричал Владис и занес свою страшную лапу над запутавшимся в одежде беспомощным псом.

– Сынок, ты бы не трогал собачку, – раздался тихий старческий голос.

Совершеннолетие

– А вы, щучьи потрохи, прекратите слюной на мою внучку капать! – грозные и неумолимые, в зал вступили Кондратьевна и Марья Михайловна.

Владис одним широким ударом расплосовал бок Хэма и прорычал:

– Шли бы вы домой, бабушки, пока я вам глотки не вырвал!

– А вот этого не хочешь? – заявила Марья Михайловна и показала вампиру самую настоящую фигу. Но как удивились бы все, знавшие добрую и стыдливую Кондратьевну, если бы увидели, что старушка не покраснела при виде неприлично-го жеста, а, совсем наоборот, сложила свою сухонькую ручку и сунула под нос утонченному владельцу клубов для непростой публики еще один кукиш.

И в тот же миг между этими двумя старческими кулаками развернулась и заискрилась белая ослепительная молния. Волна света, яркого, как солнце в июньский полдень, накрыла зал, и в полной тишине послышался странный шелест – это осыпались серым пеплом на наборный паркет господин Владис и многие из его гостей-гурманов. А те, – и их тоже было немало – кто были людьми, взвыли в ужасе и бросились к дверям, путаясь в спадающих манто и скатертях.

Но старухи не обратили на происшедшее никакого внимания. Марья Михайловна тотчас кинулась тормошить Дашу, которая, освобожденная от магического воздействия, недо-

уменно рассматривала зал, а Кондратьевна склонилась над раненым псом.

– Ишь ты, болезный, – проговорила она, словно поглаживая рукой воздух над кровоточащим боком.

Даша слезла со стола и, опираясь на плечо бабушки, подошла к Кондратьевне. Три женские руки соединились вместе, и рваные раны стали затягиваться. Но на этом волшебство не кончилось. Выздоровевший пес выгнулся дугой и принялся расти. Догадливая Кондратьевна схватила рубашку и набросила на тело собаки, и вовремя – через минуту перед ними уже лежал краснеющий бородатый мужчина. Дашка охнула и осела на пол – с ней случился обморок.

– Что это? – спросил Хэм. – Что со мной?

– Просто ты стал взрослым, внучок, – отвечала Кондратьевна, – С совершеннолетием тебя!

Послесловие

Ну, вы, пытливые читатели, конечно, догадались, что Хэм теперь может быть человеком, когда захочет. А хочет он этого почти всегда. Так что вы запросто можете увидеть его

в славном городе Санкт-Петербурге, где так много коней, львов и тайн. Вечером он по большей части висит на стенах разных домов, производя монтаж кондиционеров, спутниковых антенн и прочие наружные работы. По утрам он учится в университете, где потрясает профессоров своим необыкновенным знанием средневекового разговорного китайского языка при полном непонимании иероглифического письма. Впрочем, Хэм довольно быстро восполняет свои знания. Выходные дни он проводит с Дашей, которая – скажу вам по секрету – уже согласилась стать его женой.

О страшном приключении в клубе "Убыр" он предпочитает не вспоминать. И вообще, оно почти полностью заглохло в его памяти другим, куда более сложным и опасным квестом, который ему повезло удачно завершить, – получением российского гражданства.

Семья Петуховых процветает. Мадам Петухова увлеклась декупажем и мастерит шкатулочки и банкетки. Мама с папой загадочно улыбаются и спрашивают Василия, не хочет ли он братика или сестричку. Сам Василий, наконец, влюбился в сверстницу.

Да, если вы думаете, что Кондратьевна и Марья Михайловна стали теперь подругами, вы сильно ошибаетесь. Во дворе все по-прежнему: одна вредит, вторая исправляет по-

врежденное. А трехцветная кошка на днях принесла еще троих котят.